

как это было

— Сергей Иванович, расскажите о себе.

— Я родился в 1926 году в селе Серебряном Сучанского района. Семья у нас была большая, отец работал кузнецом. В 1939 году мы переехали во Фридаман, где отцу предложили пост заведующего засолочной базой, а меня отправили в интернат на станции Тигровая, там была школа-семилетка. Закончил я ее в 1942 году и пошел работать в лесхоз, а осенью 1943 года меня забрали в армию. Я, как имеющий полное среднее образование, попал в Раздольное, в 23-ю окружную снайперскую школу. Нас было человек 10-12, из приморцев — я один.

Я попал на 6-месячные курсы снайперов-инструкторов. Мы были на, можно сказать, привилегированном положении. Кормили хорошо — по 9-й курсантской норме, давали американский белый хлеб со сливочным маслом. Учили только одному — как убивать и оставлять живым. Вся шагистика — в сторону! Только снайперская подготовка и изучение оружия. Каждый день мы ходили на стрельбище. Полигон располагался между Раздольным и Кипарисово, от нас километраж в трех. Дают тебе

сектор наблюдения и приказывают: лежи и жди, пока появится мишень. Какая? Откуда? Ничего не объясняют. Успел поразить цель — молодец! Не успел — ты убит, обратно со стрельбища побежишь в противозащиту. Ну, у меня таких проблем не было — я только на 4 и 5 отстреливался. Нам говорили: «Ребята, пройдите обучение, отправим вас на Запад в действующую армию». Однако в июле 44-го пришел приказ распродать выпуск по частям Дальневосточного военного округа. Меня распределили в прославленную 39-ю Тихоокеанскую стрелковую дивизию. Нас, курсантов, привезли в Ханкайский район, в штаб дивизии.

— Как для Вас началась война?
— В июле 1945-го нас переправили на другой участок границы. Начали инженерное оборудование рубежей. Рыли окопы, волчьи ямы... Вечером 8 августа ротного вызвали в штаб дивизии. Он вернулся, построил нас и говорит: «Ребята, получен приказ перейти границу. С сегодняшнего дня мы на войне. Если у вас какие-то взаимные обиды были, забудьте!» И 8 августа в 23.00, то есть до объявления войны, мы перешли границу. У нашей разведроты была задача уничтожить японскую заставу. Ночь была очень темная, шел моросящий дождь. Хорошо, нам всем наручные компасы выдали со светящимися стрелками, а то могли и заблудиться. По дороге я в темноте не разглядел волчью яму и свалился в нее, правда, успел ухватиться за край, и ребята меня вытащили. Шли всю ночь, слышали, как где-то справа от нас

Советско-японская война 1945 года отчего-то считается событием едва ли не второстепенным, по сравнению с Великой Отечественной. Конечно, масштабных сражений, сравнимых со Сталинградом или Прохоровкой, на сопках Маньчжурии не кипело. Однако именно в этой войне советские солдаты продемонстрировали стремительный натиск, а генералы — красоту оперативных замыслов. И в дни начала тех событий истории и общественности по-прежнему возвращаются к тем далеким дням даже 65 лет спустя, тем более что еще живы участники военных действий. С одним из них, Сергеем Ивановичем ДЯГТЕРЕВЫМ, и встретился корреспондент «РИО».

От границы мы землю вертели вперед!

Победители в освобожденном Иминьпо. (Сергей Иванович — первый слева во втором ряду.)

Сергей Иванович Дяттерев.

началась сильная канонада. Утром глянули — багюшки! — маскхалаты у всех в клочья изорваны — об колючки «чертова дерева» разодрали в потемках. Вечером того же дня, когда вышли к заставе противника, приняли первый бой. В плен взяли одного японца, остальных всех положили.

— Упорное сопротивление оказывали японцы?

— Сначала да. Один раз нас так зажали! Лежим в грязи, а по нам — ураганный огонь. У них, видимо, там вся местность была пристреляна, так точно были. Промежутков всего метра полтора-два пробраться надо, только кинешся — выстрел! Хорошо, танк нас прикрыл.

Вообще, с танкистами неплохие отношения были. Один раз мы участвовали в танковом десанте. Увязались за отходящим японским полком, сели на броню — и вперед! Хотели их перехватить, а угодили в топь. Один танк сразу сел на брюхо. Стали его выдергивать. Разобрали какой-то домишко по бревнышкам, устроили гать через болото. До вечера провозились. Кое-как прошли.

Заняли на ночь круговую оборону. Утром вошли в корейскую деревню: «Были здесь японцы?» — «Были, были, ходя-ходя туда», — и руками машут. Прошли еще немного, остановились, нет никого. Командиры говорят, мол, да и мать его, тот полк, раз не догнали. Стали смотреть в бинокль — вон они, голубчики, по сопкам идут. Ну, старший танкист сразу повеселел: «Сейчас мы отыграться!» И пошли танки стрелять — залп за залпом по вершинам! Только взрывы стоят.

— С японскими смертниками приходилось сталкиваться?

— Да, под Муданьцзяном. Это уже 12 или 13 августа было, помоему. Муданьцзян — крупный промышленный центр, японцы собирались оборонять его до последнего. Нашу дивизию перевели к тому времени во второй эшелон корпуса. Когда мы вышли к городу, то увидели жуткую картину. Железнодорожные пути были заняты огромным — несколько километров длиной — воинским эшелоном японцев. На мосту через реку стояло 3 сцепленных паровоза, а через 2-3 вагона после них в составе зияла брешь. А внизу под насыпью — гора трупов. И люди, и лошади... Мясорубка.

Оказалось, 4 или 5 наших танков с ходу ворвались в Муданьцзян, напали на огонь и повернули назад. А куда? Сади такая поездина дорогу перекрыла! Старший отдал приказ — бьем по одному вагону! Они огнем пробили дыру в эшелоне и вырвались к своим. А командир их погиб...

Уют тут у японцев были мощные укрепления. Вдоль дорог были вырыты замаскированные ячейки, а в них сидели смертники. Вооружены они были 2-метровыми бамбуковыми шестами с проти-

вотанковыми минами на концах. Высунется японец из окопа со своим шестом к танку, а его с брони автоматчики — раз, и срезают. Он там так и остается в своей яме... Вои страшные шли, город три раза из рук в руки переходил. Но мы участвовали только в зачистке, когда Муданьцзян уже почти взяли.

Под Муданьцзяном мы взяли в плен роту белогвардейцев из частей атамана Семенова. Молодые парни в форме Белой армии. А два поручика у них были постарше — держи ухо востро! Мы, говорят, просто наемные рабочие, на сенокосе, мол, у японцев работали. Ага, косарь! А винтовка тебе зачем, с кем воевать собрался? Разоружили их и отправили в тыл.

— Где для Вас закончилась война?

— В городишке Иминьпо в середине августа. Там были огромные склады японской армии. В городе большой базар, китайцы сначала прятались, боялись, что грабить будем. А потом ничего, привезли овощи, арбузы, стали торговать. Нас предупредили: будете покупать что-нибудь, советскими деньгами не расплачивайтесь, вам выдадут юани. Так кое-кто из наших ребят додумался платить облигациями госзайма. Китайцы их сначала брали, думали деньги, а потом разобрались, что к чему — все, уже не подсушеши! Они, кстати, очень бедно жили. Одежда — рвань, зарплата на зарплате... Осенью нас вывели в СССР. Приехали мы с трофеями. Привезли 3 японские лошади и железные кровати из японских казарм, поставили их вместо нар, на которых раньше спать приходилось.

Дмитрий САПРОНОВ

рецензия от...

Дмитрия САПРОНОВА

Доколе о «Ледоколе»?!

Книга Виктора Суворова (В. Б. Резуна) я, если честно, не люблю и его многочисленных поклонников не понимаю. Исследований и начала Второй мировой, и первых дней Великой Отечественной написано столько, что не каждый книжный шкаф вместит, но народ упорно читает Суворова, и только его.

Тут глажу — на прилавке новое творение, «Разгром» называется. Взял в руки, открыл и чуть не влюбился с первой фразы — мол, у Гитлера был красный флаг, и у Сталина тоже был красный флаг. И далее на четырех страницах доказывается, что Гитлер и Сталин — близнецы-братья, только усы у них разные. Ну, что вот стоило Владимиру Богдановичу чутка продолжить аналогию и договориться до того, что это вообще был один человек? Суперкнига получилась бы! Нет, застеснялся. Стало понятно, что особые открытия от «Разгрома» ждать не стоит.

Так и вышло. По сравнению с «Ледоколом», который читается как веселое юмористическое фэнтези (какovým, по сути, и является), новое творение В. Суворова — скучное бржожание. Где, спрашивается, полет фантазий? Где столь пленявшие поклонников в первых книгах автострадания танки? Где самолетошашкалы? Где ГУЛаговские дивизии, наступательные гаубицы и «сорок миллионов красных конников в Индии»? Где, я вас спрашиваю, друзья мои! Их нет. Есть скучное пережевывание одной и той же пресной манной каши: архивы подменили, про войну все врут, только я знаю Правду с большой буквы «П».

Львиная часть книги посвящена вялому отбрюхиванию от многочисленных критиков, которые, как создается впечатление, Суворова просто затравили. Интересно, что никого из оппонентов — профессиональных историков — Владимира Богданович не трогает, предпочитая спорить с какими-то журналистами «Эха Москвы» и отставными чекистами, где-то, когда-то давний интервью, идущее вразрез с его теорией. А грамотные историки, мол, со мной в дискуссии вступать не желают. Да господь с вами, Владимир Богданович! Неужто не знаете об А. Исачеве, Е. Дриге, В. Веселове, Б. Иринеичеве... Да несть им числа! Не-а, ничего о них не говорите, даже фамилий не упоминаете. А ну как читатель решит из любопытства книжечку этого автора прикупить, да, не дай бог, прочтает?!

В общем, «скучно, девушки»...

